

ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИЗМА: НЕ-ЭТИЧЕСКОЕ

Т. Х. Керимов

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. В современной философии наблюдается критический и конструктивный подход к вопросу о человеке и обновлению гуманизма. Этот подход достаточно ясно показывает определенную направленность трансформаций образов человека, скрытые за ними теоретические и методологические мотивы, взаимосвязи этих мотивов с основными тенденциями развития современной философии. В статье показаны ориентиры возможной этики в условиях, когда никакая форма репрезентации не в состоянии описать реального человека. Делается вывод, что в качестве неопределенного и неопределимого в отношении философского обоснования имманентно человеческое или даже не-человеческое не может быть задействовано или использоваться в форме основополагающего принципа определенной этики и любого другого этического проекта.

Ключевые слова: гуманизм, образ человека, этика, не-этическое

THE RENEWAL OF HUMANISM: NON-ETHICAL

Tapdyg Kerimov

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. There is a critical and constructive approach to the issue of human beings and the renewal of humanism in contemporary philosophy. This approach clearly articulates a certain direction of the transformation of the images of the human being and the theoretical and methodological motives, hidden behind them and interrelations of these motives with the main tendencies of the development of the contemporary philosophy. The benchmarks of possible ethics in the case where no form of representation is possible to describe the reality of the human being are described in the article. In conclusion, it is said that as undetermined and indeterminate concerning the philosophical justification

the immanently human and even non-human could not be engaged or used as the cornerstone principle of the concrete ethics and any other ethical project.

Key words: humanism, image of the man, ethics, non-ethical

Во многих отношениях эволюция гуманизма и возрастание значения анти-, транс- и постгуманизмов с необходимостью связаны с обновлением конкретных образов человека и их обоснований. Без сомнения, разные версии обновления гуманизма подразумевают соответствующие этические проекты, которые могут говорить и действовать во имя того или иного образа человека или, возможно, даже востребовать их. Однако специфика современной ситуации заключается в том, что в ней речь идет уже не о создании очередного образа человека, а об оспаривании самого способа философского его обоснования.

На самом деле, если образ человека всегда был предопределен философскими основаниями, тогда мыслить на пределе философской дискурсивности и в отсутствие любого философского основания означает мыслить в отсутствие всякого образа человека. И при этом не только человеческое, постчеловеческое, транс- или сверхчеловеческое или античеловеческое, но и никакая другая форма репрезентации не в состоянии исчерпать реальное человека, исключаящее какую-либо общую идею об общечеловеческой сущности, субстанции или природе человека, или общепринятом образе человека как такового. Как заметил Ж.-Л. Нанси, «...любой ответ типа “человек — это то-то и то-то и он должен быть таким-то и таким-то”, то есть любой ответ, претендующий быть неким *гуманизмом*, устарел. Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ, нет ни в одном из способов размышления, до сих пор претендовавших на то, чтобы быть гуманизмом (теология, историзм, марксизм, экзистенциализм, персонализм и т. д.). Но, возможно, на этот вопрос никакого другого ответа не существует. Я хочу сказать, что если я спрашиваю: “что есть человек?”, я задаю вопрос о сущности, а значит, я разыскиваю некий гуманизм. Следовательно, когда Фуко писал о том, что “человек”, по всей вероятности, исчезнет, он имел в виду такую “сущность”» [1, с. 152].

Человека нельзя мыслить без сущности, основания, отделить от собственности, благодаря которой он и очеловечивается. И в то

же время какая-то «человечность» человека или скорее уже не-человеческое мыслимы без сущности и основания, поскольку сегодня очевидно, что никакие сущность, свойство или собственность, никакой гуманизм не в состоянии описать человека как такового. Человек есть без сущности, но это «без» нигде и никогда не выходит в присутствие. Будучи без сущности, человек принадлежит самому себе, имманентен самому себе, симулирует себя прежде любого рода конституирования. Если человек включает в себя это «без» сущности, то его несамодостаточность или даже лишенность его этого недостатка проходит между позитивным и негативным, ограничивая притязания онтологического или любого другого систематического вопрошания «что есть человек?». Это «без» сущности конституирует не-субъективируемый (не-феноменологизируемый, не-экзистенциальный и в целом не-антропологический) способ бытия сингулярного существа. Речь идет о «без» столь радикальном, что оно требует возникновения некой изначальной не-человечности, отвергающей свойственность, собственность, гуманизм любого толка.

В контексте проблемы отношения этики к обновлению гуманизма открывается возможность мыслить имманентное человеческое существование, которое имманентно переживается до любой философской логики существования, до любого онтологически бесконечного и избыточного, как радикально неопределенную и неопределяемую причину этического или скорее уже не-этического. До или прежде его репрезентации в качестве этического существования человеческое или скорее уже не-человеческое имеет свою имманентную причину в неопределенной и неопределяемой реальной жизни как таковой, предшествующей всем философиям.

Имманентное человеческое существование — это не-человеческое, поскольку оно негуманистическое, и, более радикально, оно бессмысленно с философской, теологической и любой другой точки зрения. Оно предшествует навязываемым ими смыслам. Не-человеческое — это идея, близкая к «человеку без сущности» (Ж.-Л. Нанси) или «человеку-в-человеке»: «Не-человеческое — это то, что ускользает от рационализации, то, что не имеет смысла или причины существования. Оно просто где-то там — бессмысленное,

голое существование, материя, независимо от того, органическая она или искусственно произведенная. И технологический протез, и биологическое тело чужды субъективности, которая, как мы считаем, исчерпывают наше “истинное я”. Оба они одинаково не-человечны, как и примитивная конфигурация субъективности — или протосубъективность...» [2, р. 44].

Конечно, можно было бы моделировать множество возможных этик, соответствующих в той или иной степени гуманистическим, анти-, транс-, постгуманистическим ценностям. В конечном счете все эти этики будут гуманистическими, т. е. философскими. Но если в современной ситуации оспаривается сам способ философского обоснования образа человека, то во имя имманентного человека, т. е. не-человеческого, может прийти какая-то этика или скорее уже не-этическое. Это имманентность, которая никогда не будет закрыта определениями философии, мысли или репрезентации. Она всегда будет находиться в автономной идентичности с самой собой по ту сторону идентичности философских концепций или позиционируемых ими идентичностей в мире. Философская этика, которая выступала бы от имени человеческого или скорее уже не-человеческого, не способна описать, объяснить или проектировать это не-человеческое, поскольку оно остается неопределенным и неопределяемым, но от этого не менее имманентно реальной причиной всего того, что есть.

Если этика всегда так или иначе была озабочена возможностью ее основания в теологических, идеологических, философских и других формах, тогда задача этики в условиях обновления гуманизма состоит именно в том, чтобы оставить всякого рода философские трансценденции исключительно в пользу единственного реального основания, т. е. радикально неопределенного реального «как такового». Иначе говоря, этика и любая другая практика должны освободиться от философского стремления к образу, проекту или концепции реального, с помощью которых они могли бы узаконить себя как практики.

Обозначение человеческого с точки зрения его имманентного реального предполагает, что реальное не становится философским основанием, понятием или проектом. Поэтому сохраняется как

радикальная неопределенность реального, так и его нередуцируемость к любого рода понятийным опосредованиям. Именно в этом контексте необходимо понимать не-человеческое в качестве имени открытого имманентного опыта непознаваемого реального. Если мы действуем этически во имя не-человеческого, понимаемого как имманентно реальное, то мы действуем во имя реального, которое, будучи неопределенным и неделимым философским понятием, является реальной причиной всего, что есть, — человеческого и нечеловеческого, органического и неорганического. В определенной степени это своего рода защита от галлюцинаторных образов реального, которые навязываются ему философией, онтологией и репрезентацией в целом, а затем предлагаются этике (и не только) в качестве легитимирующего и тотализирующего основания. Прежде всего это защита реального от галлюцинаций и разрушительных образов коммунальной или любой другой сущности, идентичности или единства. Как бы абстрактно это ни звучало, в конце концов речь идет о простом и очевидном требовании — отказаться от иллюзорных философских оснований этики в пользу единственно реального не-этического основания этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нанси Ж.-Л.* Сегодня // *Ad Marginem* '93: Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М. : Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
2. *Kolozova K.* Capitalism's holocaust of animals. A Non-Marxist Critique of Capital, Philosophy and Patriarchy. L. : Bloomsbury Academic, 2019.